

ВОСПОМИНАНИЯ К 25-ЛЕТИЮ АЛИИ

«Бойцы вспоминают минувшие дни ...».

В этом году исполняется 25 лет со дня прилета моей семьи в аэропорт Бен-Гурион на ПМЖ. Нахлынули воспоминания о событиях двадцатипятилетней давности. Во-первых, вспомнил время, непосредственно предшествовавшее моменту приземления в Израиле. В это время я работал в должности Вице-президента совместного казахско-шведского научно-инженерного общества «Интерпром». Эта организация была создана мной совместно с двумя ведущими сотрудниками Казахского научно-исследовательского и проектного института «КазНИИГипрофосфор». Наш институт разрабатывал новую технологию, опытный завод при институте испытывал ее, а проектная часть проектировала и запускала в производство. Много цехов и заводов было таким образом введено в действие. Но многие научные разработки так и не были реализованы. Да, зарплату, премии за внедрение мы и руководство заводов получали исправно, но после подписания актов многие разработки шли на полку. Деньги то не свои! Во время перестройки М. Горбачева выяснилось, что многое, что строилось, или уже было построено, оказалось никому не нужным. Начались попытки как-то использовать. Например, заводы оборонной промышленности выпускали превосходные, крепкие, непробиваемые кастрюли, чайники и так далее.

Нас это коснулось в вопросе использования фосфатного сырья в Казахстане. В СССР были два основных источника сырья: апатиты Кольского полуострова и фосфориты Каратау на юге Казахстана. Наш институт и был создан для перевода предприятий Казахстана на использование именно фосфоритов вместо апатитов Кольского полуострова. Технология разрабатывалась, авторские свидетельства получались, но апатиты более концентрированные и перерабатывать их было проще, хоть и дороже. Но вот пришла перестройка, вопреки референдуму, Россия, Украина и Белоруссия стали самостоятельными государствами со своей таможней и т. д. Естественно Россия приняла решение продавать апатиты не Казахстану за тенге, а Германии за марки. И тут наши разработки востребовались. К этому времени наш институт прекратил проектирование строительства и реконструкции химических предприятий из-за отсутствия заказов и финансирования. Численность сократилась в десятки раз. Основные заказы были на строительство бензоколонок, гаражей и т. д. Это было неинтересно и трое ведущих специалистов организовали «Совместное казахско-шведское научно-инженерное общество «Интерпром». Я занял пост вице-президента и отвечал за технологию и юридические вопросы. Мы предложили заводам помочь выжить в данной ситуации, используя наши наработки и научный потенциал. Предприятия согласились. Мы начали помогать предприятиям осваивать то, что по актам было давно внедрено. Предприятия, насколько это было возможно, заработали. Мы получали хороший доход, но вдруг начался период неплатежей. Все всем должны, и никто не может заплатить: нет на счетах ни у кого реальных денег.

Предприятия стали платить зарплату своей продукцией и рабочие пытались реализовать свою зарплату, продавая на улицах то, что получили вместо зарплат. Так и мы стали владельцами составов с химической продукцией. Договорились о продаже продукции в Китай. Начали поступать деньги в валюте. И тут мы узнали, что обязаны обменять валюту не на свободном рынке, что было для нас вполне приемлемо, а в госбанке, где курс держится приказом Минфина и много хуже для нас. Мы начали нести убытки. Тогда мы предложили китайскому партнеру оплачивать не деньгами, а продукцией, джинсами, шелковыми рубашками, зубной пастой. Товар начал приходить, положение начало поправляться. Вдруг мы узнаем, что налог на продажу товара мы должны заплатить не после продажи, а до. А деньги на налог за продажу непроданного товара нужно взять в том же госбанке под дикий процент. Я забыл, что такое химия, занимался только этими проблемами. Последнее, что мы в ответ придумали это использовать положение в одном правительственном документе, попавшем мне на глаза, о льготах на поставку в Казахстан полуфабрикатов, для сборки которых создаются предприятия в Казахстане. Пришлось нашим представителям опять ехать в Китай и Южную Корею и догово-

риваться о новой схеме. Китай переводит деньги в Южную Корею, а фирма Голдстар полностью готовые телевизоры и магнитофоны разбирает на три блока и в разных упаковках отправляют нам, как комплектующие изделия. Мы организовали сборку этих блоков в Казахстане и России. Найти специалистов для сборки не представляло труда. Сотни бывших работников оборонных радиотехнических предприятий искали хоть какую-нибудь работу. Дело будто наладилось, но начался рэкет, но не бандитский, (бандитам мы платили дань, и они нас не трогали), а государственный. Начались «плановые» проверки налоговых инспекций. Я проверок не боялся, так как требовал строжайшего соблюдения всех норм и правил. Но каждая комиссия первым делом закрывала склад и открывала его тогда, когда мы загружали в их машины, понравившиеся им товары. Пошли проверки с интервалом в две недели от районной, городской, областной и республиканской налоговых инспекций. Мы радовались, что союзной инспекции уже нет. Рано радовались. Через месяц проверки «плановые» возобновились в том же режиме.

И последний гвоздь в гроб нашей организации забил Минфин Казахстана. Заместитель Министра, молодая, симпатичная женщина, вынесла постановление о том, что мы должны платить повышенный налог на прибыль, так как мы не производственное предприятие, а коммерческое, потому, что продаем товары, которые сами не производим, а значит мы не производственное предприятие, а коммерческое, (читай спекулянты). Я вооружился всеми кодексами, постановлениями правительства Казахстана и поехал в Алма-Ату. Объяснил Заместителю Министра, что товары, которые мы продаем, получены нами по бартеру за нашу научно-техническую продукцию и это связано исключительно с кризисом платежной системы Республики Казахстан. Зам. Министра ответила мне, что это всё не имеет отношения к делу и с милой улыбкой предложила мне ждать, когда в республике Казахстан появятся деньги. Выйдя из кабинета, я прозондировал почву у знакомых в Минфине на предмет: могу ли я пригласить эту даму в ресторан и может ли она изменить свою точку зрения. Ранее в этом же Минфине мне таким образом удавалось получать нужные решения. Мне ответили, что пригласить могу, она может даже принять приглашение, с удовольствием сама закажет блюда, и с удовольствием их съест, но решение она не сможет изменить, так как это общая политика Минфина. Не стал я её приглашать, чтобы понапрасну не тратить деньги фирмы. В отчаянии, выйдя из Минфина, я увидел недалеко здание Минюста Казахстана. Решил попробовать последний шанс. Добился встречи с ведущим специалистом министерства, объяснил ситуацию, изложил официально на нашем бланке все подробно и уехал без особой надежды. И вот, через несколько дней приходит официальное письмо за подписью заместителя министра юстиции Казахстана, в котором подтверждается правильность нашей позиции. Приводятся как мои доводы, так и другие, о которых я и не знал. Я окрыленный лечу в Алма-Ату, захожу в знакомый кабинет. Зам. Министра встречает меня с улыбкой, как старого знакомого. Может ей рассказали о моих поползновениях пригласить её в ресторан. Я вежливо в ответ улыбаюсь и подаю письмо Минюста. Письмо было прочитано и всё с той же милой улыбкой было порвано и со словами: «Ну и дураки же они» выброшено в корзину. Я, вышел, не прощаясь. До сих пор не могу себе простить такого невежливого отношения к милой женщине, она же не «виноватая» - такая была политика. Вышел и решил про себя: «Пора ехать». Так я оказался в Израиле, да будет благословенна эта страна. А наше «Совместное Казахско-Шведское научно-инженерное общество «ИНТЕР-ПРОМ» через некоторое время закончило свое существование. Какую пользу получило правительство Казахстана, задушив наше предприятие, я не знаю.